

Семен Шпунгин

Бат-Ям, Израиль

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Отзвуки старых мифов

Перебирая свои бумаги, я наткнулся на газетную вырезку со статьей Кирилла Малянтовича «Буря над “Бурей”». Я специально ее отложил, чтобы откликнуться в печати, но потерял из виду и вот теперь нашел много месяцев спустя. По оплошности не пометил название газеты и дату публикации. Впрочем, вполне возможно, автор еще даст знать о себе...

Меня восхитила его цепкая память, удержавшая мельчайшие подробности истории, которая будоражила умы в конце сороковых годов прошлого века. Из уст в уста передавались слухи о том, как советский литературный бомонд вызвал «на ковер» Илью Эренбурга в связи с выходом его романа «Буря». Эту книгу с дарственной надписью Ильи Григорьевича я по сей день храню как драгоценную реликвию. Ее выпустило издательство «Советский писатель» в 1948 г. — в пору нарастающей травли «безродных космополитов».

Кто не знает, с каким скромным изяществом Эренбург сумел осадить и посрамить своих недоброжелателей?! Но впервые мне попались на глаза воспоминания человека, явившегося, по его заверению, свидетелем этого события. К. Малянтович поименно (!) перечисляет состав президиума, восседавшего на диспуте в московском ЦДРИ!. А какие у него смачные характеристики, любо-дорого читать:

«В первом ряду — раздувшийся Сафронов, рядом — богатырская фигура Первенцева, ставшего известным благодаря написанной еще до войны книге “Кочубей” (кто ее теперь помнит?). Сверкал оскалом стальных зубов, взамен выбитых в пьяной драке в “Арагви”, драматург Суров. Блестел бритым черепом Бабаевский; виднелось пропитое лицо Михаила Бубенного, автора романа “Белая береза”, творческий путь которого укладывался в ходившую тогда по Москве эпиграмму: “Белая береза, белая головка, белая горячка, Белые Столбы...”»

Малянтович живописует с точностью документальной хроники. Выступающие наперебой стараются лягнуть роман и его автора, изошрясь в обвинениях и выискивая в книге одни только недостатки. Между тем с краю (обратил внимание на детали) «в темной рубашке и сером пиджачке примостился виновник торжества — Илья Эренбург, посасывающий с невозмутимым видом незажженную трубку, словно все это его совершенно не касается.

Напряжение нарастает... Вдруг к трибуне прорывается никому не известный инженер, ветеран войны Михайлов — даже его фамилию свидетель запомнил на всю жизнь! Непрошенный гость пытается защитить понравившийся ему роман, внося неожиданный диссонанс в обличительную риторику. «Был он голубоглаз (!), русоволос, на синем бостоновом костюме пестрели планки наград...» На него все набросились, зашикали, называя дилетантом, и пристыженный инженер смутился, ушел с трибуны...

Доставлю себе и, надеюсь, читателям удовольствие изложением последовавшей затем кульминации.

— Позвольте, я прошу слова! — Голос был негромкий, но его услышали все. Пряча в карман трубку, к микрофону шел по авансцене Илья Эренбург. Критик Ермилов на правах ведущего хотел было воспрепятствовать выступлению писателя, но зал загудел: «Дайте ему слово!», «Он же автор!», «Слово автору!»... Президиум нехотя стушевался.

И вот каким было, со слов Малянтовича, обращение писателя к его гонителям:

— Я хочу искренне поблагодарить всех присутствующих, проявивших интерес к моему роману... Я внимательно выслушал все, что тут было сказано, и... принимаю критику в свой адрес, тем не менее, не во всем согласен с некоторыми товарищами. И вообще я не согласен, что в моем романе все так плохо. В этом меня убеждают письма многочисленных читателей. Их так много, что захватить все просто невозможно, и я взял лишь одно, которое мне особенно дорого...

С этими словами Эренбург не торопясь вынул из внутреннего кармана пиджака бумажник и достал листок, который осторожно развернул перед собой. В воцарившейся тишине он стал читать:

«Эренбургу Илье Григорьевичу. Прочел ваш роман с интересом. Желая дальнейших творческих успехов. С уважением — Иосиф Сталин».

Остальное легко вообразить. По залу прокатился вздох. «Хороши были физиономии в президиуме — с отвисшими челюстями, с выпученными глазами. Будто телеграммой с красным грифом Эренбург утер внезапно вытянувшиеся лица. Это стоило видеть!»

Хватит, однако, испытывать доверчивость читателей. Я был вхож в дом Эренбурга, которому многим обязан в своей жизни². И, конечно, слышал от разных людей историю о том, как провалилась расправа с писателем на так называемом диспуте. Каждый, кто ее рассказывал, особенно выразительно описывал эффект оглашения правительственной телеграммы.

Однажды я завел разговор об этом с Валентиной Ароновной Мильман, бесменным литературным секретарем и поверенной в делах Эренбурга.

— Ничего подобного не было и в помине! — ответила она. — Это просто красивая легенда, согревающая сердца почитателей Эренбурга, солидарных с ним в трудное для него время. Никакой телеграммы от Сталина он не получал, и все связанное с нею придумано.

С легендой, разумеется, знакома проживающая в Хайфе Фаина Палеева, внучка Эренбурга, единственная наследница его авторских прав. Я не преминул позабавить ее, сообщив по телефону о появлении «живого свидетеля» нашумевшего диспута.

А как не вспомнить Аркадия Райкина, чье имя окружали мифы в разные периоды его творчества. Особо живучей оказалась молва о сорванных гастролях в Киеве. Она облетела десятки городов от Прибалтики до Дальнего Востока. Рассказывали о скандале, случившемся на концерте в столице Украины. Будто Райкин читал монолог, содержавший среди прочего вопрос: «Так кто же я такой?» Едва он произнес эти слова, как один догадливый зритель во всю мочь выкрикнул: «Жид!» Артист умолк в растерянности, но быстро опомнился и покинул сцену...

Это еще ароматные цветочки по сравнению с ядовитыми ягодками других слухов о Райкине, пущенных в обращение. К ним относятся нелепые пересуды о

сказочном богатстве артиста, сумевшего обмануть советскую власть. Шептались о том, что он отправил свою покойную мать для погребения в Израиль, а в гробу... припрятал большое количество бриллиантов, целое состояние. Несмотря на очевидную злонамеренность таких утверждений, многие все же принимали их на веру, ссылаясь на «надежные источники» информации.

В восьмидесятых годах, на заре «перестройки», мне довелось отдыхать в престижном санатории «Рижское взморье» Четвертого управления Минздрава Латвии. Его же издавна облюбовал Аркадий Исаакович, приезжавший сюда почти каждое лето. На этот раз наше пребывание в санатории совпало. Мы познакомились без всяких условностей, как часто бывает на курорте. При встречах беседовали на разные темы, о чем я впоследствии написал заметки «Юрмальские прогулки с Аркадием Райкиным». Они опубликованы несколько лет назад³.

Райкин не уклонился от пояснений, когда в разговоре я коснулся вышеизложенных слухов.

Абсурдные измышления, поклепы доставляли немало огорчений, признался он. Несусветную чушь наиболее ретиво распространял некий партийный лектор. Аркадий Исаакович жил тогда еще в Ленинграде, а первым секретарем обкома КПСС был Романов. Райкин выражал свое возмущение в письмах, ходил на приемы, но его протесты ни к чему не привели. Клеветники не унимались. Тогда артист решил самостоятельно бороться с порочащими его слухами, стал высмеивать их в своих скетчах прямо с эстрады. Это и только это положило конец «официальным» наговорам.

— А что касается Киева, — поведал Райкин, — не было там оскорбительных выкриков — были овации! Нигде, пожалуй, в другом месте меня не принимали так восторженно. Мой памятный концерт в этом городе, который проходил, кстати, под эгидой ЦК комсомола, имел грандиозный успех. По окончании люди несли меня на руках к машине...

Слухи по разным поводам новость как рождались, исчезали и снова оживали на огромных просторах страны. Мифы подменяли действительность и скрашивали наши будни. Всегда было о чем поговорить!..

Визит с приключениями

Когда покойного Сталина выставили на обозрение в Колонном зале Дома союзов, Москва была взбудоражена. Люди, привыкшие к очередям, готовы были стерпеть самую невероятную из них, чтобы отдать последний долг вождю всех народов. Стихийный порыв торопил их в центр города на поиски истоков огромной колонны. Это потом уже разнесся слух о сотнях, если не о тысячах искаленных и затоптанных в давке...

Меня потянуло туда же. Пожалуй, из любопытства. Но каким бы острым оно ни было, я вовсе не мечтал окунуться в человеческий водоворот. Неужели не найду лазейку? Решив, что прощальная церемония без меня не обойдется, стал обдумывать, как перехитрить милицию. Возникла идея поначалу воспользоваться студенческим билетом МГУ. Спросят, куда я. Скажу — на лекцию. А там видно будет.

Жил я у Никитских ворот, рядом с улицей Герцена. По ней можно было минут за двадцать спуститься до Моховой, где находился наш факультет. Но такой маршрут завел бы в тупик: оттуда все равно никуда не пропустят. Поэтому двинулся напрямую к площади Пушкина.

В конце Тверского бульвара, однако, выстроилось первое на моем пути оцепление. Как ни странно, идея моя сработала. Студенческий билет открыл передо мною проход на улицу Горького. Она выглядела пустынной. Из-за отсутствия транспорта стояла необычная тишина. Время от времени попадались редкие прохожие, не считая множества постовых. Меня несколько раз останавливали, проверяли документы.

Вскоре я оказался возле Центрального телеграфа. А дальше — ни шагу. Живая стена милиции напрочь перекрыла путь к Охотному ряду.

Делать нечего, я побрел в обратную сторону. На всякий случай свернул в проезд Художественного театра, но и там — ограждение. Вплотную друг к другу были поставлены армейские грузовики, заполненные солдатами... Неожиданно к ним подходит некто в форме адмирала и просит помочь каким-нибудь образом преодолеть это препятствие. В ответ один из военных, склонившись над бортом, указывает на землю...

Морской начальник понял намек и при всех своих регалиях полез под машину. Видя такое, я мигом последовал его примеру. Солдаты, не ожидавшие подобной наглости, не успели опомниться. До меня донесся запоздалый вопрос: «Что, тоже адмирал?!» Раздался смех.

Так я прорвался на Пушкинскую улицу и «влился» в людской поток, устремившийся к Дому союзов. Здесь уже не было никакой суетоки.

Колонный зал, обтянутый вдоль и поперек черным крепом, утопал в цветах, источавших удушливый запах. Приглушенные звуки траурной музыки сопровождали бесконечное шествие. Все, не отрывая взгляда, смотрели на гроб, в котором лежал невзрачный человечек, чей облик мало соответствовал знакомым портретам вождя. И это Сталин? Бесцветное конопатое лицо удивляло неприглядной обыденностью. Многие плакали при виде усатого покойника. Другие равнодушно проходили мимо.

Выйдя на свежий воздух, я ощутил облегчение. Стоило ли стараться? Теперь, оглядываясь в далекое прошлое, тем более спрашиваю себя: зачем мне это надо было? И все-таки я благодарен неизвестному адмиралу, который, не ведая того, оказал мне услугу. Памятный визит в Колонный зал стал неким фактом моей биографии. Когда заговаривают о Сталине, могу позволить себе чуточку хвастливое, но вполне оправданное замечание: «В гробу я его видал!..»

Встреча на корабле

Легкие на подъем, мы с моим давним приятелемлевой Б. решили податься на Кавказ. Было раннее осеннее утро 1973 г., когда мы выехали из Риги на моем еще мало обкатанном «Москвиче». За рулем сидели попеременно. Лева, в отличие от меня, был прирожденным водителем и мастером на все руки, способным устранить почти любую неисправность машины. Рядом с ним я набирался опыта.

Перед поездкой мы выверили весь маршрут по дорожным картам. Этому предшествовали кое-какие хлопоты. Чтобы доставить себе дополнительное удовольствие, заказали билеты на теплоход «Абхазия». Нам предстояло совместить сухопутное путешествие с морским.

На третий день мы были у причала одесского порта и, уладив положенные формальности, дождались переноса «Москвича» на борт корабля. Нельзя было не заметить, что две супружеские пары с машинами обслуживаются вне очереди, отдельно от других. Когда на палубу подняли «Жигули» серого цвета, их владелец —

худощавый сидящий мужчина выше среднего роста — сверху наблюдал за своим попутчиком. Тот еще суетился вокруг белой «Волги» на погрузочной площадке. Я тоже присматривался к нему. Что-то знакомое всплыло в моей памяти. Был он лет пятидесяти, крепкого телосложения, русоволосый с чуть одутловатым лицом.

— Скажите, пожалуйста, кто этот человек? — отважился я спросить у хозяина «Жигулей».

— А, собственно, почему это вас интересует? — последовал настороженный встречный вопрос.

— Но если я назову его, вы подтвердите?

Не получив ответа, я снова спросил:

— Аджубей??

— Откуда вам это известно?

— Мы вместе учились на факультете журналистики Московского университета...

Признаюсь, я сказал полуправду, умолчав о том, что переходил только на третий курс, когда Аджубей закончил пятый, выпускной. И не было у нас общих лекций и семинаров, на которых мы могли бы видеться.

Холодная отчужденность моего невольного собеседника вмиг исчезла. «Алексей Иванович! — позвал он. — Сюда! Тут твой однокашник нашелся!» Оставив ненадолго свою машину, Аджубей поднялся по трапу и крепко пожал мою руку: «Мне очень приятно встретиться с вами, коллега!»

Так мы слевой оказались в одной компании с дочерьми Хрущева и их мужьями. Общались мы три дня подряд, пока продолжался наш круиз по Черному морю. Рада Никитична тогда занимала должность заместителя главного редактора журнала «Наука и жизнь», а ее старшая сестра Юлия Никитична, удивительно похожая на отца, была уже на пенсии.

Аджубей, муж Рады Никитичны, являл собой наглядное свидетельство того, как больно падать с вершины большой карьеры. Что и говорить, он был яркой личностью. Талантливый и амбициозный журналист, которому покровительствовал его могущественный тесть, сделал немало полезных вещей. Назначенный главным редактором «Известий», он превратил скучнейший официоз в живую, читаемую газету. Особенно привлекательной стала «Неделя», выходившая как приложение... Теперь я видел перед собою тихого, надломленного человека, смирившегося с превратностями судьбы.

— Ваша фамилия помогает вам или, напротив, мешает? — спросил я при удобном случае.

— Безусловно, помогает, — ответил Аджубей, не задумываясь. — Многие еще помнят меня и, надеюсь, уважают...

Я поинтересовался, бывает ли он хотя бы изредка за границей.

— Ну, что вы... Даже Болгарию не посетил. Не смею просить. В моем положении вообще не стоит привлекать к себе внимание.

Это говорил журналист, объездивший весь мир, человек, которого номенклатура завистливо упрекала в подмене министра иностранных дел! Он старался быть в тени и ничем не выделяться, заведя отделом иллюстрированного, чисто пропагандистского журнала «Советский Союз».

Второй зять Хрущева Виктор Петрович Гонтарь, женатый на Юлии Никитичне, в прошлом был директором киевской оперы. Гуляя с нами по палубе, он доверительно рассказывал:

— Сейчас Аджубей тише воды и ниже травы. А тогда, в свои звездные годы, он был любимчиком Никиты Сергеевича, который прислушивался к его советам и предоставлял ему полную свободу действий. Меня же Хрущев держал в узде, игнорировал и, бывало, обижал. Однажды я съездил по линии культурного сотрудничества в ГДР, после чего... был арестован на короткий срок. За излишнюю самостоятельность. Мне послали сигнал: знай свое место! Зато, когда низвергнутый Хрущев сам оказался в опале, он поддерживал с нашей семьей тесные родственные отношения до конца своей жизни. Аджубей от него отдалился, опасаясь подозрительных связей.

Было у меня и у Левы «секретное» занятие на корабле, о котором не знали наши новые знакомые. Следуя расписанию передач радиостанции «Коль Израэль» («Голос Израиля») на русском языке, мы закрывались в машине и включали автомобильный приемник. Слышимость на море была идеальная. Ни грохота глушилок, ни прочих шумовых помех. Израиль, опьяненный победой в Шестидневной войне, беспечно жил мирными заботами и, казалось, не очень-то беспокоился о своей безопасности. Никто не считал дни, остающиеся до новой войны — Судного дня, которая вот-вот застанет страну врасплох...

Как-то мы обратили внимание на странное совпадение. В. П. Гонтарь уединялся в своих «Жигулях» именно в то время, когда мы слушали Израиль. Сделав это открытие, мы с Левой не могли поверить...

— Вы догадались, — рассеял впоследствии наши сомнения Виктор Петрович. — Я постоянно ловлю передачи Израиля. Это издавна для меня интереснейший источник информации.

Глядя нам обоим в глаза, он с грустью добавил:

— Ребята, вам многие могут позавидовать! Что же вы еще раздумываете?!

Смысл этих слов не нуждался в пояснении. Мы их часто потом вспоминали.

С родней Хрущева расстались у причала в Батуми, где Аджубея поджидала досадная неприятность: при отгрузке пострадала его белая «Волга»... А мы отсюда держали путь в Тбилиси, Ереван и далее — в горную Армению. Но это, как говорится, уже другая история.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦДРИ — Центральный дом работников искусств. — *Ред.*

² Подробнее об этом см.: *Штунгин С.* За шитом Эренбурга // Евреи в меняющемся мире: Материалы 5-й Междунар. конф., Рига, 16—17 сент. 2003 г. Рига, 2005. С. 119—133.

³ См.: *Штунгин С.* Юрмальские прогулки с Аркадием Райкиным // Евреи в меняющемся мире: Материалы 4-й Междунар. конф., Рига, 20—22 нояб. 2001 г. Рига, 2002. С. 118—121.